

УДК 321.02

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2025.52.48>

Демократические институты в дискуссиях политологического сообщества

А. В. Скиперских, К. К. Пронин*

Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, г. Елец, Российская Федерация

Аннотация. Показывается, как происходило внедрение в политологический дискурс институционального и неинституционального методов. Отмечается, что расширение концепта «институт» произошло за счет появления новых практик и вызовов политической реальности. Приводятся классификации политических институтов. Отдельное место уделяется определению демократических институтов и их критериев в современной российской политике. В качестве вывода отмечается, что прерогатива создания функциональных демократических институтов остается за политической системой, создающей благоприятные условия для их развития. Наполнение политической системы институтами связывается с самим государством и доминирующим в нем типом политического режима.

Ключевые слова: власть, демократический институт, институт, легитимация, политическая система, Россия.

Для цитирования: Скиперских А. В., Пронин К. К. Демократические институты в дискуссиях политологического сообщества // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2025. Т. 52. С. 48–60. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2025.52.48>

Original article

Democratic Institutions in Discussions Political Science Community

A. V. Skiperskikh, K. K. Pronin*

Bunin Yelets State University, Yelets, Russian Federation

Abstract. The authors demonstrate how institutional and neo-institutional approaches were introduced into political science discourse. It is noted that the expansion of the concept of “institution” occurred due to the emergence of new practices and challenges to political reality. Politics are constantly becoming more complex. Classifications of political institutions are given. A special place is given to the definition of democratic institutions and their criteria in modern Russian politics. As a conclusion, it is noted that the prerogative of creating functional democratic institutions remains with the political system. It can create favorable conditions for their development. The filling of the political system with institutions is associated with the state itself and the type of political regime dominant in it.

Keywords: power, democratic institution, institution, legitimation, political system, Russia.

For citation: Skiperskikh A.V., Pronin K.K. Democratic Institutions in Discussions Political Science Community. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2025, vol. 52, pp. 48-60. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2025.52.48> (in Russian)

Введение

Зарубежный и российский политологический дискурс находится в постоянном развитии по поводу понимания места и роли институтов в политической системе. Наряду с существующими сходствами в оценке их места в политической системе есть и некие различия. В частности, множество дискуссий и интерпретаций отмечается по поводу демократических институтов. Заявленные как демократические политические институты на самом деле могут не способствовать утверждению адекватных им политических режимов. Изменчивость политики ставит под сомнение четкую концептуализацию – к демократическим по определению институтам может быть много вопросов. Актуальность данного исследования как раз и связана с попыткой прояснить причины сложности концептуализации понятия «институт», которая может по-разному определяться в различных политических традициях и, стало быть, вызывать разные теоретические рефлексии. Усложнение политики и появление нового институционального дизайна в политических системах могут порождать иные классификационные основания, что означает научную новизну нашей попытки определить и спрогнозировать новые институциональные кливажи.

Речь идет об институтах, выступающих прямыми или косвенными признаками наличия в том или ином государстве демократии. Каждая политическая система имеет свой неповторимый институциональный дизайн. Совокупность институтов, их уникальная комбинация, учитывает многочисленные традиционные и культурные установки, свойственные тому или иному обществу. Важным условием формирования тех или иных институтов и их перспектив в рамках политической системы может выступать и само общество, оказывающее ей поддержку. Институты в своем устройстве следуют за самим обществом.

Накопление культурой и научно-техническим прогрессом определенных идей и продуктов, склонно изменять образы систем, равно, как и существующих в их рамках институтов. Каждое новое государство претендует на то, чтобы стать совершенней того, преемником которого оно выступает, но неизменно стремление с его стороны поставить под свой контроль институциональный дизайн. Равно как и само государство, демократические институты периодически находят, по словам Н. Хомского, «крайности», после которых наступает стабилизация [22, p. 185].

Демократические институты: становление

Государство всегда имеет скрытую тоталитарную потенцию и притязает на все сразу и целиком. На ранних этапах своего развития в фокусе интересов власти оказывается «монопольное политическое господство над предшествующими ему примитивными институтами», – отмечает И. Исаев [4, с. 21].

Государственная власть всегда действовала так, как ей позволяло общество. Там, где оно исторически соперничало с государственными интересами через развитую ткань гражданских структур, государству вряд ли оставалось что-либо кроме уступок. Тогда общество создавало свои институты «снизу»,

что конструировало политическое многообразие. Есть и более депрессивные примеры, когда государство поглощало общество, не говоря уже об отдельном человеке. Государственные интересы становились интересами самого человека.

В теории американского политолога Д. Истона общественное поведение может иметь характер требований и поддержки. И если требования намекают исключительно на рациональный характер отношений с системой, то поддержка заключается в более основательной и фундаментальной интеграции общества в политическую систему. Общественная поддержка осуществляется на входе в политическую систему и может быть либо специфической, либо диффузной [23, р. 278]. Специфическая поддержка может подходить демократическим институтам, равно как и наоборот, диффузная поддержка рассчитана на более длинный трек отношений общества и государства.

За тем или иным типом поддержки обычно стоят комплексы общественных представлений и оценок относительно самой политики, осуществляемой в государстве. Устройство политической системы, ее структура всегда могли связываться с общественным мнением. В политическом дискурсе возникает концепт политической культуры, который как раз и связывается с набором представлений о том, как система функционирует.

Русский философ М. Пришвин отмечал, что «организация держала германский народ, насилие держало русский» [14, с. 68]. Одни и те же институты могут по-разному осуществлять свое воздействие на людей и мотивировать их к подчинению. Институты задают человеку определенный ритм и настроение. Общество может привыкать к текущей обстановке, которая со временем превращается в традицию и культурную основу.

Нет такой политической системы, которая раз и навсегда могла бы быть уверенной в прочности собственных политических институтов, прежде всего государства. Современник русского философа, голландский теоретик культуры Й. Хейзинга предвещал распад институциональной ткани перед лицом грядущих вызовов. «Мы видим государственные институты, которые более не функционируют, производственные структуры, которые балансируют на краю гибели», – писал он в «Тенях нашего времени» (1935 г.) накануне перемен в Европе в 1930-х гг. [21, с. 19]. Обманчивое увлечение тоталитаризмом ставило под сомнение возможность демократических институтов сохранить себя. Тем не менее методическое наращивание демократии в направлении Запада, отмечаемое Ц. Тодоровым, создало необходимую основу для того, чтобы считать демократию и ее продукты достижением западного мира [20].

Демократическим институтам предстоял долгий путь, прежде чем с ними стали считаться и воспринимать их в качестве неотъемлемой части политической системы и ценности.

Демократические институты: развитие

Конечно, не каждая политическая система заслуживает определения как демократическая, поэтому не всякая комбинация политических институтов в своей политической «химии» может свидетельствовать о демократии как таковой. Разные институты по-разному могут вести себя в зависимости от

политических систем, в которых они присутствуют. Соответственно, не все институты могут быть демократическими. Как не каждый формально демократический институт может сообщать самой системе, равно как и политическом режиме, необходимый демократический эффект. Изначально вопрос демократического соответствия является крайне сложным и связанным с постоянной подстройкой под окружающую реальность. Французский политический философ Ж. Рансьер видел в демократии «власть стиля жизни, играющего свою роль и для собственного, и для общего» [16, с. 71].

Одним из наиболее распространенных методов политической науки является институциональный. Взгляд на политические процессы как на постоянное и динамическое развитие институтов довольно популярен среди отечественных и зарубежных исследователей.

Хотя в институтах присутствует и консервативное начало, что делает их достаточно жесткими образованиями. Такую мысль можно увидеть у Т. Парсонса, отмечавшего особенность социальных подсистем с постоянным обменом на «входе» и «выходе» в окружающую среду [12].

И. Исаев отмечает, что институциональный метод, описывающий институты, характеризует особенная рамочная жесткость, обнаруживающаяся всякий раз, когда приходится сталкиваться с «идеологичностью» и императивностью институционализма, а также с его «централизующими намерениями» [4, с. 18, 19]. Таким образом, в институционализме можно обнаружить некую монополистичность притязаний на те или иные объяснения политических фактов и событий, которые уже вряд ли могли устроить изменчивый политический мир.

Развитие политических отношений приводило к таким ситуациям, которые не всегда могли быть описаны исключительно рамочно. С этим связано появление неoinституционального метода – более адекватного и уклоняющегося от точного ответа о природе тех или иных политических процессов. В частности, один из теоретиков неoinституционализма Д. Норт видел в институтах «“правила игры” в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми» [9, с. 17]. С появлением неoinституционализма исследовательский диапазон существенно расширился. Привычные политические процедуры в рамках демократических институтов получают новое прочтение и обнаруживают внутри себя целое закулисное договоренностей и условностей. Институт демократических выборов при тщательном рассмотрении уже не представляет собой процесс легитимации обществом публичных политиков, которые достойны быть избранными, представляя интересы электорального большинства. Неoinституциональная оптика сегодня позволяет увидеть в демократических выборах инкорпорацию и легитимацию «своих». Распределение ресурсов теряет свою публичность и становится прерогативой теневой политики. В партийных списках оказываются посеянными многочисленными родственники и знакомые, сотрудники корпораций и члены влиятельных кланов. Неoinституциональному подходу вторит акторно-сетевая теория, которая пытается разглядеть за коммуникацией, происходящей в публичном доступе, влияние сторонних сил и мотивов [7].

Развитие демократических институтов в государстве подпитывает конкуренцию среди политических акторов в борьбе за власть и ресурсы. При такой активной политической жизни очевидно, что для создаваемых институтов будет характерна невысокая легитимность власти при достаточно большом количестве электоральных циклов. Общественные ожидания в таких системах всегда оказываются короче, нежели продолжительность самих циклов. Вдобавок сами политические акторы находятся в состоянии постоянной конкуренции, которая «на выходе» дает необходимую для демократических институтов неопределенность.

Институты: теоретические дискуссии

Попробуем разобраться в практиках конструирования концепта «институт» в политическом дискурсе. «Краткий политический словарь» среди трех значений концепта «институт» выделяет два значения, которые могут быть важны в контексте нашего исследования.

Во-первых, под институтом понимается «совокупность норм в какой-либо области общественных отношений» [6, с. 195]. Таким образом, институт понимается как результат социальной деятельности. Эта деятельность носит рациональный характер, оптимизируя отношения между различными группами и слоями населения. Достаточно близко к такому определению находится точка зрения Ю. Хабермаса, сближавшего институты с четырьмя социальными формациями: примитивной, традиционной, капиталистической и посткапиталистической [24, р. 17]. Институты могут проявляться в сформированных рамках, задавая определенные границы анализа. Во-вторых, институт может иметь политические коннотации, выступая «явлением политической жизни, элементом политической системы» [6, с. 195].

Каждому институту свойственна структура, состоящая из формы, функции и людей, составляющих его. Форма – особый каркас, скрепляющая основа. Функция связывается с предназначением продуктов и смыслов, производящихся в институциональных рамках. Наконец, институт составляют и люди, вступающие друг с другом в определенные отношения. Демократические институты одновременно представляют собой форму (скажем, республиканская форма правления), функцию (легитимация власти через конкурентные выборы) и общество, понимающее принципы функционирования политики и так или иначе одобряющее их.

Концептуализация «института» происходит в непосредственной связи с государством и его волей. М. Вебер определял так сообщества, где присутствует наличие рациональных установлений и аппарата принуждения. М. Вебер видит в институте государства особую «структуру политического сообщества» [1, с. 537]. Для политического философа во главу угла ставится вопрос организации власти. Неслучайно им используется еще и понятие «союз», суммирующий вокруг создаваемой структуры практики акторов. Понятие «институт», на наш взгляд, безусловно, шире понятия «организация», которая может определяться как некая управленческая структура, т. е. часть самого института, либо как технология, с помощью которой достигаются те или иные политические цели.

Структура конструируется в течение определенного времени, как и институты не могут возникнуть сразу, а являются образованиями, имеющими свою историю. А. Пшеворский видел в них некие результаты соглашений между «конституцией и политической реальностью» [15, с. 58].

Основной закон страны всегда является отражением политического дизайна системы и представляет ее элементы во всем многообразии. Но все равно у политических институтов изначально существует более прочная основа, над которой в качестве надстройки выступает само государство. К такой диспозиции институтов и государственных интересов склоняются как зарубежные, так и отечественные исследователи. В частности, французский правовед М. Ориу видит примат социального над политическим. Социальные институты имеют куда более прочную базу, нежели политические, которые склонны к периодическому изменению и могут быть слишком зависимы от текущей конъюнктуры. «Институты обладают характером, которым определяется государственный режим», – замечает И. Исаев [4, с. 26].

Институты задают определенные ограничения на коммуникацию между акторами. Этот момент подтверждает Р. Дарендорф, когда говорит о том, что «институты представляют собой некие рамки, в которых нами осуществляется выбор» [3, с. 67].

Близко к рамочному подходу к определению институтов находится взгляд на них Е. Мелешкиной и О. Толпыгиной, для которых институты есть некие «системы координат», создающие условия для развития политических процессов [8, с. 22].

Наполнение концепта «институт» находится в постоянной динамике, постепенно смещаясь в «разряд предположений», что неизбежно формирует ситуацию «концептных натяжек». Всякое новое исследование, касающееся концепта «институт», неизбежно размывает его значение. Исследователь изначально попадает в сложную ситуацию, которую, на наш взгляд, очень метафорично описал итальянский политолог Д. Сартори, отметивший, что «концептные натяжки» неумолимо ведут нас в гегелевскую ночь, где все коровы кажутся черными» [18, с. 152].

Типологии институтов: российская проекция

Несколько иная ситуация может складываться вокруг классификации институтов. Они могут дифференцироваться по тем или иным основаниям, учитывая громадный опыт, накопленный различными государствами. Исследователям здесь проще найти консенсус. Политологами выделяются специфические типы институтов, примеры которых можно обнаружить практически во всех государствах.

Политические институты могут быть *государственными* и *негосударственными*. Среди государственных институтов следует выделить органы исполнительной, законодательной и судебной власти, с которыми связывается процесс принятия и реализации политических решений. Такие институты создаются и функционируют от имени государства. Они вертикально организованы, финансируются «сверху» и имеют достаточно многочисленный бюро-

кратический аппарат, обслуживающий их. Государственные институты проводят политику, максимально соответствующую заданному политическому курсу.

Негосударственные институты, наоборот, создаются на частной инициативе. Они не такие громоздкие и забюрократизированные. Как правило, негосударственные институты могут быть ориентированы на альтернативную политику. Так, созданной государством системе избирательных комиссий во главе с ЦИК РФ противостоят альтернативные институции контроля за выборами – штабы оппозиционных кандидатов и непарламентских партий, сети общественных наблюдателей. В современной России подобную институциональную нишу когда-то занимало движение «Голос». Пиком подобной активности в России являлись 2010-е гг.

Политические институты могут быть *публичными* и *непубличными*. Ключевым критерием идентификации выступает непосредственное присутствие института и осуществляемых им функций в поле публичной политики. Публичные институты во многом совпадают с государственными институтами, обладая формальной легитимностью. Публичные институты являются институтами открытыми, обладающими достаточной степенью транспарентности и гласности.

Публичность институтов может быть своеобразной декларацией, за которой скрываются не совсем демократические практики. Некоторые элементы властной вертикали могут иметь дефицит публичности. В современной России такая проблема может возникать по поводу восприятия назначаемых мэров, которые не избираются населением «снизу», так же как и сити-менеджеров, исполняющих функции управления муниципалитетами. В то же время в *открытом* обществе, следуя логике К. Поппера, «индивидуумы вынуждены принимать личные решения» [13, с. 218].

На контрасте с открытостью публичных институтов деятельность непубличных институтов является достаточно закрытой. Непубличные институты организуются теневыми акторами, участвующими в политике и влияющими на нее исподволь. Теневые акторы могут договариваться с публичными политиками, а также состоять с ними в одних и тех же элитных группах. Институты существенно рационализируют взаимодействие среди элиты, «структурируя повседневную жизнь» [9, с. 18]. Для элиты может быть характерно исключительно непубличное, камерное бытие, соединяющее «своих членов в особом поле доверия» [19, с. 33]. В политическом закулисье осуществляют свою деятельность многочисленные клики и клиентелы, институты-посредники и GR-структуры. В отраслях экономики формируются многочисленные отраслевые лобби-группы, защищающие интересы крупных производителей и добытчиков. В современной России говорят о «нефтяных», «металлургических», «строительных», «аграрных» и «медицинских» группах давления. Региональная или этническая компонента вырисовывается в случае «московского», «татарского», «чеченского» лобби. Описывая процесс принятия и реализации политических решений, политический лексикон свидетельствует о «силовиках», «системных либералах», влиятельных интересантах ВПК. Существуют группы влияния, связанные с крупными фигурами российского политика.

Теневые процессы присутствуют в каждом российском регионе и на уровне муниципалитетов. На наш взгляд, все это оказывает значительную услугу неоинституционализму, формируя поле для приложения его инструментария. В частности, Л. Савинов и Н. Скорых отмечают слабую изученность «влияния теневых, иногда криминальных, структур на этнонациональные и религиозные организации, а также на неформальные, официально не зарегистрированные миграционные организации и группы» [17, с. 11].

Д. Норт различает *формальные* и *неформальные* институты. Американский теоретик считает, что если формальные структуры обусловлены существующими правилами, то неформальные уже могут быть скованы определенными условностями и кодексами поведения [9, с. 18, 19].

В зависимости от степени влияния на жизнедеятельность самой политической системы политические институты могут быть *базовыми* и *второстепенными*. В различные исторические периоды роль тех или иных институтов может как повышаться, так и понижаться. В современной России к базовым политическим институтам можно отнести институт государства, институт президентства. В 1990-е гг. – годы расцвета парламентаризма – базовым политическим институтом можно было назвать двухпалатное Федеральное Собрание РФ.

Второстепенные политические институты может позволить себе только стабильно функционирующее государство. Их наличие в политической системе говорит о многообразии политической жизни. Вместе с тем функции таких институтов обладают несомненной декоративностью, политическая система может обойтись и без них. В качестве примера можно привести деятельность многочисленных общественных объединений, палат и советов. Минимальны функции в современной России и молодежных парламентов, советов и правительств, существующих на различных уровнях власти. В субъектах РФ появляются молодежные избирательные комиссии, значительно утяжеляющие и без того громоздкую бюрократическую машину с дефицитом реальных полномочий. Подобные институты периодически заявляют о себе различными мероприятиями, создавая иллюзию активной деятельности. Их структуры зачастую выступают инкубаторами для молодых политиков, узнаваемость которых в публичном пространстве как раз и происходит в их структурах. Второстепенные политические институты, казалось бы, направленные на легитимацию демократии, на самом деле, как показывают вышестоящие примеры, могут быть *фиктивными* или *декоративными*.

Политические институты могут быть *стабильными* и *неустойчивыми*. Решающим фактором здесь является заинтересованность самого общества в том, чтобы институты функционировали, чтобы они вписывались в рациональную модель и максимально соответствовали культурному контексту. Стабильность функционирования политических институтов обеспечивается политической традицией, установленными в обществе нормами и правилами, с помощью которых легитимируется государственный порядок. Наоборот, в случае если государство периодически сотрясают политические кризисы, если оно не может выбрать оптимальный политический курс и зару-

читься поддержкой общественного большинства, то в таком случае ему у политических институтов будет слишком мало времени для формирования и выработки устойчивой политической традиции.

Что касается самого устройства институтов и их структур, то они могут быть *иерархическими*, организованными вертикально и подчиняющимися единому центру, либо *сетевыми*, в которых структура не имеет четко установленного центра и воспроизводит себя с учетом текущей конъюнктуры. Сетевой принцип может быть характерен для альтернативных политических структур и акторов, обладающих высокой степенью самостоятельности и не связанных ответственностью и экономической зависимостью от центра.

Наряду с классификациями политических институтов, отмеченных нами выше, в исследовательском дискурсе есть попытки акцентирования внимания на некоторых важных элементах деятельности самих институтов, которые могут намекать на их демократическую природу.

В частности, одним из ключевых признаков демократических институтов является их формирование «снизу». Именно общество играет в этом процессе заметную роль. В этом смысле Г. Кертман говорит об электоральных институтах, позволяющих определить степень демократичности политического процесса, равно как и электоральную культуру общества. По его мнению, общество и разделяемая им политическая культура могут достаточно непредсказуемо ответить на «импорт чужеродных для нее институтов» [5, с. 436]. Г. Кертман выделяет следующие варианты: 1) отказ в легитимации – отторжение и неприятие институтов; 2) освоение новых практик; 3) реинтерпретация новых институтов, их смысла и политического предназначения в русле традиционных для этой культуры представлений о власти и оптимальной модели ее взаимоотношений с народом [5, с. 436, 437].

Как мы можем увидеть, какие-то из отмеченных исследователем критериев работают на демократию только косвенно. Критерий, позволяющий увидеть в избирательной кампании реинтерпретацию новых институтов, может быть быстро подхвачен государственной пропагандой. Граждане могут участвовать в выборах в тот момент, когда их результат уже известен. Вместе с тем демократическая электоральная реальность выглядит таковой лишь тогда, когда, как отмечает А. Пшеворский, «претенденты на должность могут ожидать, что ее получают, а проигравшие могут ожидать, что не все потеряно» [15, с. 60].

В. Огнева и В. Ильин выделяют консультативные институты, пытаясь увидеть в их функционировании потенциал для развития консультативной демократии [10].

В современных политических исследованиях политические акторы часто рассматриваются как последователи уже сформированной повестки, и тогда политикам приходится озвучивать готовые решения, выступая своеобразными «говорящими головами». С другой стороны, политики могут рефлексировать буквально на ходу. В таком случае политические решения становятся результатом импровизации. Текущие политические процессы могут быть рассмотрены в контексте акторно-сетевой теории, в рамках которой

контуры политических институтов являются достаточно затемненными. Как отметил Б. Латур, это относится к ситуациям, когда «нас заставляют действовать другие, не контролируемые нами силы» [7, с. 35].

Проявлениями действия «другой» силы могут являться патрональные механизмы. Именно их влияние российскими политологами может рассматриваться в историях отдельных представителей губернаторского корпуса. Их явление сегодня есть результат определенных договоренностей и разменов [2]. В свою очередь, сами губернаторы, закрепившие свою легитимность с помощью формальных избирательных кампаний, могут способствовать назначению на должности глав муниципалитетов людей из собственного круга. В российской политической реальности нередки практики, когда претендент на губернаторское кресло в том или ином регионе приезжает на место нового назначения с уже готовой командой. Многочисленные истории правильно разыгранных конкурсов и подрядов на местах также вполне обоснованно объясняются в рамках акторно-сетевой модели.

Признаки акторно-сетевых механизмов, легитимирующих претендентов в коридорах власти, можно обнаружить в различных формах фаворитизма: кумовстве, клановости, nepотизме. Такие практики ставят под сомнение восприятие институтов, в рамках которых они обнаруживают себя как демократических.

В рамках акторно-сетевой теории следует рассматривать и коллективные институты. Как считает американский политолог Э. Остром, именно они отражают суть демократии, потому как противостоят узкокорыстным и эгоистическим притязаниям разобщенного социума и правящей элиты. С ее точки зрения, коллективное управление в рамках демократических институтов существенно понижает перспективы коррумпирования ресурсной базы, подпитывающей правящий класс [11].

В стремительно цифровизирующейся реальности заметна роль и цифровых демократических институтов. Мы имеем с ними дело в тот момент, когда прибегаем к электронному голосованию. Нарушения на избирательных участках периодически попадают в фокус камер наблюдения, что, по сути, ударяет по легитимности самой власти. Все чаще нами используются сервисы «Госуслуг» для реализации своих гражданских прав. В интернете создаются петиции и формируются площадки для краудфандинга. Процессы цифровизации имеют и свои негативные стороны, но тем не менее их высокая роль в демократической институционализации является очевидной.

Заключение

Классификации политических институтов, скорее всего, не исчерпываются исключительно теми формами, на которые мы обратили внимание. Их может быть больше, и они могут быть связаны с двойственностью политики, с ее постоянным поиском альтернатив. И если сами институты являются следствием политического конструирования, представляя деятельность тех или иных политиков, то классификации институтов уже выступают продуктом дискуссий научных штудий. Всякое усложнение политической реальности, появление новых политических практик через какое-то время обяза-

тельно порождает научную рефлексию, в которой дается оценка произошедшего. Как правило, многие дискуссии конструируются по поводу соответствия тех или иных изменений, происходящих в рамках институтов, реальным демократическим установлениям. Подпитывает дискуссии и само политическое многообразие, способствующее появлению новых классификационных оснований самих институтов.

Наполнение политической системы институтами связано с самим государством и доминирующим типом политического режима. Если политический режим имеет демократические признаки, то это будет сказываться на его институциональном и политическом многообразии. Коммуникация в рамках данных институтов будет «оттачиваться и совершенствоваться» [3, с. 67]. Демократические институты будут развиваться вместе с государством и даже ускорять его развитие, способствуя росту значения демократических ценностей. Это означает, что сами демократические институты будут все чаще попадать в фокус теоретических штудий и вызывать активные дискуссии среди представителей политологического сообщества.

Список литературы

1. Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. 808 с.
2. Гайворонский Ю. О., Баландин Ю. А. Рекрутирование губернаторского корпуса в современной России: эволюция патрональных сетей (2017–2021) // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2022. № 4(107). С. 146–167. DOI: 10.30570/2078-5089-2022-107-4-146-167 EDN OZPYPM
3. Дарендорф Р. После 1989: Мораль, революция и гражданское общество. Размышления о революции в Европе : [пер. с англ.]. М. : Ad Marginem, 1998. 270 с.
4. Исаев И. А. Живые институты Мориса Ориу: открытие социоправа // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75, № 5(186). С. 9–29. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.186.5.009-029 EDN ОАОМТГ
5. Кертман Г. Л. Традиционалистская реинтерпретация демократических институтов в российской политической культуре // Институциональная политология / под ред. С. В. Патрушева. М. : ИСП РАН, 2006. С. 436–448.
6. Краткий политический словарь / ред. Л. А. Оникова и Н. В. Шишлина. М. : Изд-во пол. лит., 1989. 623 с.
7. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской ; под ред. С. Гавриленко. 2-е изд. М. : Издат. дом Высш. шк. экономики, 2020. 384 с.
8. Мелешкина Е. Ю., Толтыгина О. А. Методологические подходы к анализу политических процессов // Политический процесс: основные аспекты и способы анализа : сб. учеб. материалов. М. : ИНФРА-М, 2001. С. 20–48. EDN VXGSBS
9. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М. : Начала, 1997. 180 с. (Современная институционально-эволюционная теория). EDN YQDVYE
10. Огнева В. В., Ильин В. И. Управленческий механизм в реализации форм консультативной демократии в системе местного самоуправления // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Т. 11, № 6. С. 83–89. DOI: 10.12737/23974 EDN XTDQOT
11. Остром Э. Управляя общим. Эволюция институтов коллективной деятельности. М. : ИРИСЭН, Мысль, 2010. 447 с.
12. Парсонс Т. Система современного общества. М. : Аспект-Пресс, 1998. 270 с.
13. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1. Чары Платона. М. : Феникс, 1992. 448 с.
14. Пришвин М. М. Дневники. 1920–1922. М. : Моск. рабочий, 1995. 334 с.

15. *Пишеворский А.* Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М. : РОССПЭН, 2000. 320 с.
16. *Рансьер Ж.* На краю политического. М. : Практика, 2006. 238 с.
17. *Савинов Л. В., Скорых Н. Н.* Национальная политика и обеспечение этнобезопасности Российской Федерации // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2024. Т. 50. С. 7–15. DOI: 10.26516/2073-3380.2024.50.7 EDN CDEHUUZ.
18. *Сартори Д.* Искажение концептов в сравнительной политологии // Полис. Политические исследования. 2003. № 4. С 152–160. EDN ESCXLJ
19. *Скиперских А. В.* Воображенное общество: политические этюды и интерпретации. Липецк : Колор, 2021. 56 с.
20. *Тодоров Ц.* Дух Просвещения. М. : Моск. шк. полит. исслед., 2010. 120 с.
21. *Хейзинга Й.* Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. 456 с.
22. *Chomsky N.* On Nature and Language. Cambridge : Cambridge University Press, 2002. 206 p.
23. *Easton D. A.* System Analysis of Political Life. New York ; London, Sydney : John Wiley & Sons, 1965. 507 p.
24. *Habermas J.* Legitimation Crisis. Boston : Beacon Press, 1975. 166 p.

References

1. Veber M. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow, Progress 1990, 808 p. (in Russian)
2. Gajvoronskiy Ju.O., Balandin Ju.A. Rekrutirovanie gubernatorskogo korpusa v sovremennoj Rossii: jevoljucija patronalnyh setej (2017-2021) [Recruitment of the gubernatorial corps in modern Russia: the evolution of patronage networks (2017-2021)]. *Politija*, 2022, no. 4 (107), pp. 146-167. (in Russian)
3. Darendorf R. *Posle 1989: Moral, revoljucija i grazhdanskoe obshhestvo. Razmyshlenija o revoljucii v Evrope* [After 1989: Morality, revolution and civil society. Reflections on the revolution in Europe]. Moscow, Ad Marginem Publ., 1998, 270 p. (in Russian)
4. Isaev I.A. Zhivye instituty Morisa Oriu: otkrytie socioprava [Living institutions by Maurice Hauriou: the discovery of socio-law]. *Lex russica*, 2022, no 5, pp. 9-29. (in Russian)
5. Kertman G.L. Tradicionalistskaja reinterpretacija demokraticeskikh institutov v rossijskoj politicheskoj kulture [Traditionalist reinterpretation of democratic institutions in Russian political culture]. *Institucionalnaja politologija*. Ed. S.V. Patrusheva. Moscow, ISP RAN Publ., 2006, pp. 436-448. (in Russian)
6. Onikova L.A. and Shishlin N.V. (eds.). *Kratkiy politicheskij slovar* [Concise Political Dictionary]. Moscow, Izdatelstvo politicheskoy literatury Publ., 1989, 623 p. (in Russian)
7. Latur B. *Peresborka socialnogo: vvedenie v aktorno-setevuju teoriju* [Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory]. Moscow, Izd. dom Vyshej shkoly jekonomiki, 2020, 384 p. (in Russian)
8. Meleshkina E.Yu., Tolpygina O.A. Metodologicheskie podhody k analizu politicheskikh processov [Methodological approaches to the analysis of political processes]. *Politicheskij process: osnovnye aspekty i sposoby analiza*, Moscow, INFRA-M, 2001, pp. 20-48. (in Russian)
9. Nort D. *Instituty, institucionalnye izmeneniya i funkcionirovanie jekonomiki* [Institutions, institutional change and economic performance]. Moscow, Nachala Publ., 1997, 180 p. (in Russian)
10. Ogneva V.V., Il'in V.I. Upravlencheskij mehanizm v realizacii form konsultativnoj demokratii v sisteme mestnogo samoupravlenija [Management mechanism in the implementation of forms of consultative democracy in the local government system]. *Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk*, 2016, no. 6 (11), pp. 83-89. (in Russian)
11. Ostrom Je. *Upravljaja obshhim. Jevoljucija institutov kollektivnoj dejatel'nosti* [Managing the common. Evolution of institutions of collective activity]. Moscow, IRISJeN, Mysl Publ., 2010, 447 p. (in Russian)
12. Parsons T. *Sistema sovremennyh obshhestva* [System of modern societies]. Moscow, Aspekt-Press Publ., 1998, 270 p. (in Russian)

13. Popper K. *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. Tom I. Chary Platona* [The open society and its enemies. Volume 1. Plato's Charms]. Moscow, Feniks Publ., 1992, 448 p. (in Russian)
14. Prishvin M.M. *Dnevnik. 1920-1922* [Diaries. 1920-1922]. Moscow, Moskovskij rabochij Publ., 1995, 334 p. (in Russian)
15. Pshevorskij A. *Demokratija i rynek. Politicheskie i jekonomicheseie reformy v Vostochnoj Evrope i Latinskoj Amerike* [Democracy and the market. Political and economic reforms in Eastern Europe and Latin America]. Moscow, ROSSPJeN Publ., 2000, 320 p. (in Russian)
16. Rans'er Zh. *Na kraju politicheskogo* [On the edge of the political]. Moscow, Praxis Publ., 2006, 238 p. (in Russian)
17. Savinov L.V., Skoryh N.N. Nacionalnaja politika i obespechenie jetnobeзопасnosti Rossijskoj Federacii [National Policy and Ensuring Ethnic Security of the Russian Federation]. *Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Politologija. Religiovedenie* [The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies], 2024, no. 50. pp. 7-15. (in Russian)
18. Sartori D. Iskazhenie konceptov v sravnitelnoj politologii [Concept Misformation in Comparative Politics]. *Polis. Politicheskie issledovanija*, 2003, no. 4, pp. 152-161. (in Russian)
19. Skiperskih A.V. *Voobrazhjonnoe obshchestvo: politicheskie jetjudy i interpretacii* [The Imaginary Society: Political Studies and Interpretations]. Lipeck, Kolor Publ., 2021, 56 p. (in Russian)
20. Todorov C. *Duh Prosveshhenija* [Spirit of Enlightenment]. Moscow, Moskovskaja shkola politicheskikh issledovanij Publ., 2010, 120 p. (in Russian)
21. Hejzinga J. *Teni zavtrashnego dnja. Chelovek i kultura. Zatemnjonnyj mir* [Shadows of Tomorrow. Man and culture. Darkened world]. St. Petesburg, Ivan Limbah Publ., 2010, 456 p. (in Russian)
22. Chomsky N. *On Nature and Language*. Cambridge, Cambridge University Press, 2002, 206 p.
23. Easton D.A. *System Analysis of Political Life*. New York, London, Sydney, John Wiles & Sons, 1965. 507 p.
24. Habermas J. *Legitimation Crisis*. Boston, Beacon Press, 1975, 166 p.

Сведения об авторах

Скиперских Александр Владимирович
 доктор политических наук, профессор,
 кафедра философии и социальных наук
 Елецкий государственный университет
 им. И. А. Бунина
 Российская Федерация, 399770, г. Елец,
 ул. Коммунаров, 28
 e-mail: pisatels@mail.ru
 ORCID 0000-0001-8587-7415

Пронин Константин Константинович
 аспирант, кафедра философии
 и социальных наук
 Елецкий государственный университет
 им. И. А. Бунина
 Российская Федерация, 399770, г. Елец,
 ул. Коммунаров, 28
 e-mail: kkpronin-110200@yandex.ru
 ORCID 0009-0009-9649-3236

Information about the authors

Skiperskih Aleksandr Vladimirovich
 Doctor of Sciences (Political Sciences),
 Professor, Department of Philosophy
 and Social Science
 Bunin Yelets State University
 28, Kommunarov st., Yelets, 399770,
 Russian Federation
 e-mail: pisatels@mail.ru
 ORCID 0000-0001-8587-7415

Pronin Konstantin Konstantinovich
 Postgraduate, Department of Philosophy
 and Social Science
 Bunin Yelets State University
 28, Kommunarov st., Yelets, 399770,
 Russian Federation
 e-mail: kkpronin-110200@yandex.ru
 ORCID 0009-0009-9649-3236

Статья поступила в редакцию **06.03.2025**; одобрена после рецензирования **27.03.2025**; принята к публикации **17.04.2025**
 The article was submitted **March, 06, 2025**; approved after reviewing **March, 27, 2025**; accepted for publication **April, 17, 2025**